

Ссылка для цитирования этой статьи:

Берзин, Б.Ю.; Куимов, А.Л.; Пышминцева, О.А. Адаптация и копинг-стратегии населения в экстремальных ситуациях // Human Progress. 2022. Том 8, Вып. 3. С. 3. URL: http://progress-human.com/images/2022/Том8_3/Berzin.pdf, свободный. DOI 10.34709/IM.183.3. EDN SQNTPJ.

УДК 314.06:314.4

АДАПТАЦИЯ И КОПИНГ-СТРАТЕГИИ НАСЕЛЕНИЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

Берзин Борис Юрьевич

доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт экономики УрО РАН

berzinb@yandex.ru

29, ул. Московская,

г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620014

+7 (343) 371-67-72

Куимов Алексей Леонидович

магистр психологии ФГБОУ «Уральский федеральный университет
им. Первого Президента Б.Н. Ельцина»

alkuimov@yandex.ru

19, ул. Мира,

г. Екатеринбург, Российская Федерация, 62002

+7 (343) 375-44-44

Пышминцева Ольга Александровна

Младший научный сотрудник ФГБУН
Институт экономики УрО РАН

pyshmintseva.oa@uiec.ru

29, ул. Московская,

г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620014

+7(343)371-67-72

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические проблемы адаптивного поведения людей в трудных жизненных ситуациях, особенности выбранных ими копинг-стратегий. Теоретической базой исследования послужили публикации по психологическим, демографическим и социологическим направлениям, исследующие проблемы адаптации населения через деструктивные и конструктивные копинг-стратегии социума. В результате исследования определено, что единой типологии копинг-стратегий в современной науке не разработано, имеются сложности с тем, чтобы разграничить совладающее поведение с психологической за-

щитой и с адаптацией. Целью статьи является показать и проанализировать последствия выбранной деструктивной копинг-стратегии – алкоголизации. Проанализирована динамика производства и продажи алкогольной продукции, изменение рейтинга стран по потреблению алкоголя. Посредством метода статистического анализа выявлена взаимосвязь алкоголизации и структурных изменений в заболеваемости и смертности населения России, влияние ее на преступность и рост числа самоубийств, на среднюю ожидаемую продолжительность жизни. Выделены регионы – лидеры и аутсайдеры – по уровню потребления алкоголя, показано место Свердловской области в рейтинге регионов по следующим признакам: число организаций, выпускающих алкогольную продукцию, масштабы производства и потребления алкогольной продукции, смертности и преступности.

Ключевые слова: адаптация; совладающее поведение; копинг-стратегия; алкоголизация; смертность; преступность; алкогольная продукция.

JEL коды: Z13; R23.

Введение

Проблемы адаптации неразрывно связаны с исследованием стресса, психологического напряжения людей в экстремальных условиях: при климатических катастрофах, социально-экономических, политических, военных потрясениях, а также при личных трагедиях. Изменение условий существования людей ведет к изменению их поведения, выбору той или иной стратегии действий (поведенческий подход в теории адаптации).

Одним из таких механизмов является совладающее поведение, т.е. способность человека выбирать ту или иную стратегию поведения в экстремальной ситуации (копинг-стратегию), которая позволяет:

- адаптивно реагировать на ситуацию, оцениваемую субъектом как стрессовую;
- приспособляться к воздействию внешней среды;
- поддерживать благополучие субъекта на уровне его физиологического, психологического и социального функционирования;
- выбирать стратегию поведения, которая носит осознанный характер, а ее реализация является целенаправленной.

Отсутствие копинг-стратегии в обобщенном виде приводит в целом к снижению социального и психологического благополучия личности, а иногда свидетельствует о крайне деструктивном ответе (через завершение жизненного цикла, психических и иных заболеваниях, разрушение среды социального обитания и т.п.).

В статье авторы остановились на деструктивных копинг-стратегиях как виде реакции людей на неблагоприятное воздействие среды, а именно: алкоголизации населения как следствия защитного адаптационного механизма на социально-экономические трансформации в стране.

1. Теоретическая база исследования

В отечественной психологии термин «копинг» стал использоваться, начиная с 1980-х гг. Он был переведен и интерпретирован как «купирование стресса» [1], «психологическое преодоление» [2] (В.А. Ташлыков, 1992, В.А. Бодров, 2006, и др.), как «совладающее, адаптивное поведение» [3, С.3; 4] (Л.А. Ацыферова, 1994). В современной психологической литературе как синонимы используются термины «копинг-стратегии», «копинг-поведение», «совладающее поведение».

Александрова О.В. отмечает, что понятие «копинг» в отечественной психологической литературе носит «размытый» характер [5]. Обратимся к определениям понятия «копинг». Корзун С.А. говорит о недостаточной изученности феномена копинга [6]. Крюкова Т.Л. отмечает, что направление психологии, центрированное на исследовании совладающего поведения, находится «на стыке психологии развития, социальной психологии, психологии субъекта и медицинской психологии» [7, с. 88]. Таким образом, проблема копинга требует интеграции знаний из разных областей психологии.

С.К. Нартова-Бочавар определяет копинг как «индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями» [8, с. 21]. Анализируя данное определение, можно отметить, что автор делает акцент на индивидуальном характере копинга, при этом стратегия совладания зависит как от ситуации, так и от субъекта.

По определению Анцыферовой Л.И., копинг – это «способность своевременно и точно распознавать причины, вызвавшие затруднительную ситуацию, адекватно отреагировать на те или иные обстоятельства, сладить с новыми условиями, возникшими в связи со сложной ситуацией, справиться со стоящей перед человеком задачей, дилеммой или трудностью, найти общий язык с другими» [4, С. 9]. В определении Л.И. Анцыферовой делается акцент на соответствие (адекватность) реакции субъекта обстоятельствам, способность преодолеть имеющиеся сложности.

Если в первом из рассмотренных нами определений речь идет о конкретной стратегии поведения, то во втором определении копинг определяется с позиции наличия у субъекта ресурсов для преодоления сложной жизненной ситуации.

Крюкова Т.Л. определяет копинг как «целенаправленное поведение личности, устраняющее или уменьшающее вредное воздействие стресса, адекватными личностным и ситуационным особенностям способами» [7, с. 90]. Как и Анцыферова Л.И., Крюкова Т.Л. делает акцент на адекватности стратегии поведения субъекта. При этом автор говорит о целенаправленности (и, соответственно, осознанности) выбора субъектом данной модели поведения.

Никольская И.М. и Грановская Р.М. полагают, что копинг-стратегии близки по своей сущности защитным механизмам личности. Отличительной особенностью копинга при этом является осознанное применения определенных стратегий поведения [9].

Анализируя представления исследователей о копинге, Церковский А.Л рассматривает копинг как «все виды взаимодействия субъекта с задачами внешнего или внутреннего характера - попытки овладеть или смягчить, привыкнуть или уклониться от требований проблемной ситуации» [10, с. 4]. Несмотря на схожесть копинга с адаптацией, автор отмечает, что копинг – процесс более сложный, чем адаптация за счет дополнительных внешних и внутренних условий, связанных со сложной ситуацией. Лазарус Р., рассматривая сложную ситуацию, требующую включения механизмов копинга, выделяет такие возможные характеристики ситуации, как: длительность, интенсивность, продолжительность, неподконтрольность, высокие требования, предъявляемые к ресурсам субъекта [11].

По мнению Weber Н., основная цель копинга – это поддержание благополучия человека, его физического и психического здоровья, удовлетворенности отношениями. При этом копинг понимается автором как «стратегия действий, предпринимаемая в условиях психологической угрозы» [12, с. 18].

Тенн О.Р., анализируя представления зарубежных исследователей о копинге, выделяет три подхода: эго-ориентированный, диспозиционный и когнитивно-феноменологический [13].

Истоки эго-ориентированного подхода лежат в концепциях З.Фрейда и А.Фрейда. В рамках данного подхода (Menninger K., Vaillant V. [14], Naan N. [15] и др.) совладающее поведение рассматривается в качестве специфического эго-механизма, к которому человек прибегает с целью избавления от внутреннего напряжения (tention).

В рамках диспозиционного подхода (Moose R. [16] и др.), особенности совладающего поведения обусловлены личностными предпосылками, обуславливающими особенности реакции на стрессовые факторы.

Наибольшее распространение приобрел когнитивно-феноменологический подход (Фолкман С., Лазарус Р. [17]), согласно которому совладание рассматривается как динамиче-

ский процесс, на характер которого оказывают влияние особенности ситуации, оценка ситуации субъектом, фаза столкновения со стрессором.

Битюцкая Е.В. рассматривает три подхода к исследованию копинг-стратегий, исходя из особенностей организации исследования [18]:

– исследование копинг-стратегий в рамках одного типа ситуаций (такие исследования позволяют обозначать роль личностных особенностей, факторов среды, гендерных и возрастных особенностей при реакции на определенный тип ситуаций);

– исследования, охватывающие несколько типов сложных жизненных ситуаций (позволяют оценить особенности копинг-стратегии, связанные с ней установки, оценки ситуации);

– комплексный подход (учет одновременно разных факторов – личностных особенностей, оценки субъектом ситуации и особенностей ситуации).

Дмитриева Н.В. и Сидоренко И.Н. в структуру совладающего поведения включают [19]:

– единичные копинг-действия, связанные с особенностями ситуации;

– копинг-стратегии (образы действий);

– копинг-стили (совокупность близких копинг-стратегий).

По мнению авторов, копинг-действия, преломляющиеся в копинг-стратегиях, можно разделить на следующие группы:

1) поведенческие (различные способы снятия напряженности, связанного с действиями внешних и внутренних факторов);

2) эмоциональные - эмоциональная проработка подавленного (эмоциональная разрядка или поиск социальной поддержки);

3) когнитивные (изменение оценки ситуации и, за счет этого, снижение уровня стресса).

С поведенческими группами связаны изменение вида или формы деятельности (например, обращение к замещающей деятельности или к деятельности, направленной на решение проблемы).

Дмитриева Н.В. и Сидоренко И.Н. рассматривают следующие варианты поведенческих копинг-действий [19]:

– активное сотрудничество, направленное на разрешение проблемы;

– поиск поддержки (попытка выговориться);

– отвлекающее поведение, выражающееся в удовлетворении иных желаний;

– выход из поля травмирующей ситуации (уединение).

Помимо этого, авторы связывают поведенческие копинг-действия с различными замещающими действиями: со стремлением казаться спокойным или же, напротив, с возбуждением, тревогой, плачем.

Действия по эмоциональному совладанию проявляются в виде неадекватной оценки ситуации в виде ее драматизации и соответствующих поведенческих реакций (плача, протеста и т.д.) или же в виде чрезмерного оптимизма (самоуверенность, снижение значимости проблемы). Также возможно полное возложение вины на себя, самообвинение или же, напротив, перекладывание ответственности на другое лицо, пассивное соучастие, слабая эмоциональная реакция на ситуацию.

В качестве когнитивных действий по совладанию с ситуацией авторы рассматривают [19]:

- отвлечение от неприятной ситуации и переключение мыслей на другие вопросы;
- игнорирование неприятной ситуации или же использование юмора;
- поиск дополнительных сведений, анализ ситуации (позволяет придать ситуации иную окраску);
- анализ последствий ситуации (возможна переоценка ситуации, рационализация);
- сравнение своей ситуации с более тяжелыми из опыта других, что облегчает ее принятие;
- наделение неприятной ситуации новым смыслом (как проверка на прочность, как опыт, как испытание, которое дается по силам).

Существуют различные варианты классификации копинг-стратегий. В работе Р. Лазаруса и С. Фолкмана [17] рассматриваются 2 типа копинг-стратегий:

- проблемно-ориентированный (действия, направленные на решение проблемы);
- эмоционально-ориентированный (снижение негативных эмоций, связанных с проблемной ситуацией).

Близкую по смыслу классификацию предлагает J.R.Weisz. Исследователь выделяет в качестве типов копинга первичный контроль и вторичный контроль, соответствующие по своему содержанию выделенным Лазарусом Р. и Фолкманом С. типам копинг-стратегии. Weisz J.R. при этом дополняет указанные стратегии третьим типом – отказом от контроля (фактически это означает неспособность субъекта справиться с ситуацией) [20].

Эбата А. и Мусс Р. рассматривают следующие стили копинга: контактный (действия, направленные на решение проблемы) и избегание (минимизация соприкосновения с проблемой) [21].

Carver C. S с соавторами рассматривает стратегии копинга, с точки зрения особенностей их реализации и эффективности [22]. Первую группу составили стратегии, направленные на решение проблемной ситуации. К ним авторы относят:

- активный копинг (действия, направленные на устранение источника проблемы);

- планирование (разработка плана разрешения проблемы);
- поиск поддержки (поиск поддержки у той социальной общности, к которой принадлежит субъект);
- положительное истолкование (интерпретация проблемы как опыта);
- принятие (действия, направленные на принятие ситуации).

Ко второй группе действий автор относит действия, которые также могут быть использованы субъектом для адаптации к ситуации, однако при этом данные действия носят менее активный характер.

К таким действиям автор относит [22]:

- поиск эмоциональной поддержки со стороны общественности (внимания, сочувствия);
- подавление конкурирующей деятельности (снижение активности в других сферах деятельности и сосредоточение на проблемной области);
- сдерживание (ожидание более благоприятных для разрешения ситуации условий).

К третьей группе стратегий автор относит неадаптивные копинг-стратегии [22]:

- фокусировании на эмоциях (эмоциональное реагирование в проблемной ситуации);
- отрицание (отрицания факта наличия проблемы);
- ментальное отстранение (отвлечение от стрессовой ситуации через сон, мечты);
- поведенческое отстранение (отказ решать проблему).

Отдельно автор рассматривает такие копинг-стратегии, как «обращение к религии», «использование алкоголя и наркотиков», «юмор».

В работах Анцыферовой Л.И. представлена следующая классификация копинг-стратегий [11]:

- преобразующие стратегии совладания (представление сложной ситуации как проблемы, которая требует решения, целеполагание (определение общей и промежуточных целей), планирование, формирование новой системы саморегуляции);
- действия, направленные на приспособление к ситуации (изменение отношения к ситуации, наделение ее иным смыслом, позитивное истолкование);
- вспомогательные приемы в ситуации трудностей (избегание, уход от проблемы, в том числе, отстранение от мыслей о проблеме).

Либина А. и Либин А. рассматривают стили совладающего поведения и формы психологической защиты. К стилям совладающего поведения авторы относят: эмоциональную компетентность (первосигнальный тип) и рациональную компетентность (второсигнальный тип). В качестве форм защитного поведения авторы рассматривают отстранение, избегание,

подавление (первосигнальный тип); проекция, вытеснение, рационализация (второсигнальный тип) [23].

Корневым К.И. было наглядно показано, что, как правило, субъект использует не одну, а несколько копинг-стратегий [24].

Арбитов И.Р. полагает, что понятие «совладающее поведение» шире, чем понятие «копинг». В структуру совладающего поведения автор включает [25]:

- механизмы психологической защиты;
- копинг-стратегий;
- антиципационную самостоятельность.

Таким образом, можно отметить, что в настоящее время не достигнуто единство терминологии, представлений исследователей о сущности и структуре совладающего поведения.

Дмитриева Н.В. и Сидоренко И.Н. также рассматривают копинг-ресурсы, говоря об их значимости для адаптации к стрессовым ситуациям. Низкий уровень сформированности копинг-ресурсов составляет основу выбора неадаптивных стратегий совладающего поведения, социальной изоляции и дезинтеграции личности [19].

Авторы выделяют два класса ресурсов: личностные и средовые (или психологические и социальные ресурсы). К личностным копинг-ресурсам авторы относят [19]:

- высокий уровень развития когнитивных способностей, позволяющих производить оценку роли социальной среды, окружающей человека;
- высокий уровень развития самосознания, достаточно достоверные представления человека о себе (Я-концепция);
- способность субъекта контролировать свою жизнь, брать на себя ответственность за нее (интернальный локус контроля);
- коммуникативные умения, навыки эффективного взаимодействия, социальная компетентность, развитые аффилиативные потребности;
- высокий уровень развития эмпатии;
- позиция человека по отношению к жизни, смерти, любви, одиночеству, вере, духовность человека, вера в Бога и т.д.;
- ценностная и мотивационная сфера личности;
- способности, знания, умения и навыки личности.

К классу социальных копинг-ресурсов относится социально-поддерживающая сеть (окружение субъекта).

Важной характеристикой копинг-стратегий является их эффективность. Nakano K. предлагает оценивать эффективность совладающего поведения с точки зрения благополучия субъекта [26]. К эффективным копинг-стратегиям автор относит те, которые снижают уровень невротизации субъекта, выражающийся в ситуативном изменении депрессии, тревожности, психосоматических симптомов и раздражительности.

Conway V.J., Terry D.J., в качестве критерия эффективности копинг-стратегии предлагают рассматривать снижение уязвимости субъекта по отношению к стрессам [27].

Weber H. указывает, что наименее эффективными копинг-стратегиями являются избегание и занижение собственных возможностей. Более продуктивными стратегиями, по мнению автора, являются изменение ситуации или ее оценки [12].

Лазарус Р. и Фолкман С., как уже отмечалось, выделили два основных типа совладающего поведения: проблемно-ориентированный и эмоционально-ориентированный копинг. При этом авторы предлагают восемь возможных направлений действий: через планирование, конфронтацию («борьба»); принятие ответственности (т.е. через активизацию усилий); усиление самоконтроля (регулирование своего эмоционального состояния) и положительная переоценка (поиск позитивных характеристик в сложившейся ситуации); дистанционирование (уменьшение значимости ситуации) и бегство (избегание, стремление уйти от решения проблемы).

Таким образом, в настоящее время не существует единых представлений о копинге, его структуре, не разработано единой типологии копинг-стратегий. Наблюдаются сложности в разграничении совладающего поведения и психологических защит, совладающего поведения и адаптации. В то же время, совладающее поведение имеет важное значение для сохранения и поддержания благополучия личности и различных групп населения в сложных жизненных ситуациях.

2. Результаты исследования

В качестве примера деструктивной копинг-стратегии рассмотрим проблему алкоголизации населения России, основываясь, прежде всего, на данных социально-психологического и статистического анализа.

Копинг-стратегия использования алкоголя чаще всего применяется для ухода от действительности, для снятия напряженности, вхождения в состояние расслабленности и свободы, уменьшая тем самым последствия стресса. Среди мотивировок, объясняющих потребность «выпить» – активизация деятельности мозга, повышение коммуникабельности, улучшение настроения, укрепление иммунитета от вирусных инфекций, регулирование давления

и улучшение аппетита. Эти доводы обычно приводят люди, которые употребляют алкоголь в умеренных дозах. Но всегда существует опасность преодоления нормы и риск навредить своему здоровью.

Ученые из Ростова-на-Дону Белоусова А.К. и Фандей Ю.В., опираясь на методику Леонтьева Д.А., показали, каким образом алкоголь подчиняет себе и изменяет сферу мотивации молодежи, основываясь на следующей классификации мотивов: социально-психологические – традиционные, субмиссивные (неумение противостоять давлению окружающих в приеме алкоголя), псевдокультурные; персональные – гедонистические, атарактические (достижение психологического комфорта, снятие напряжения), гиперактивизации поведения; паталогические – аддиктивные, самоповреждения, похмельной мотивации. Первую позицию по полученным в исследовании данным занимает гедонистическая составляющая мотивационной сферы, на втором месте – атарактическая мотивация, третья позиция принадлежит традиционным мотивам. Таким образом, личностные и социально-психологические факторы доминируют, показатели патологической мотивации замыкают рейтинг [28].

По мнению главного научного сотрудника Института социологии РАН Заиграева Г.Г. масштабы алкоголизации современного российского общества несопоставимы с показателями других исторических периодов – по уровню потребления алкоголя, прежде всего, подростками и женщинами, смертности и преступности в состоянии опьянения [29].

Объяснение этому обычно находят в историческом прошлом: «веселие Руси – есть, пить, не можем без того и быти», – княжеско-боярские пиршества в честь праздников, похоронные обряды, православный ритуал (причастие), при этом поводы употребления спиртного строго оговаривались; многие считают истоком пьянства введение государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков (начало было положено при Иване Грозном введением кабаков и продолжено реформами Шувалова П.И. и Витте С.).

Установление государственной алкогольной монополии привело к росту денежных доходов казны, в новейшее время монополия временно упразднялась, затем вводилась вновь. В 90-е годы XX столетия вновь появились частные производители алкогольной продукции. В целом, если взять для анализа последнее десятилетие XXI века производство алкогольной продукции, за небольшим исключением, сократилось (см. табл. 1).

Данные таблицы показывают, что на протяжении последнего десятилетия наиболее заметно сократилось производство слабоалкогольных напитков (в 2 раза), игристых вин (на 41,4%), столовых вин (на 34,1%), пива (на 21%).

Табл. 1: Производство в натуральном выражении спирта этилового, алкогольной и спиртосодержащей продукции в РФ¹

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Водка, млн дкл	95,1	86,3	97,8	85,7	68,8	63	73,2	79,8	78,6	83,6	79,5	80,9
Ликероводочные изделия с содержанием спирта до 25% включительно от объема готовой продукции, млн дкл	3,4	3,1	3,7	3,4	2,9	2,8	2,7	2,7	2,7	2,7	2,9	3,1
Ликероводочные изделия с содержанием спирта свыше 25% от объема готовой продукции, млн дкл	7,4	4,5	5,2	5,2	4	3,9	5,3	5,4	5,9	7,1	8,5	9,8
Коньяк, млн дкл	9	8,1	9,8	7,4	7,6	7,7	7,6	8,6	8,4	9,2	8,2	8,0
Напитки слабоалкогольные (с содержанием этилового спирта не более 9%), млн дкл	30,1	31,9	20,5	26,5	17,3	9,5	6,7	6,4	6,8	7,6	9,6	15,1
Вина игристые и газированные ⁵⁾ , млн дкл	22	22	20,5	17,2	16,3	16	14,7	12,8	12,4	13,2	13,2	12,9
Вина столовые, млн дкл	45,1	40,2	36,7	33,4	34,8	39,9	36,8	32,0	30,4	32,8	30,9	29,8
Пиво, кроме отходов пивоварения ⁴⁾ , млн. дкл	984	994	974	888	823	780	783	761,2	767,3	762,1	778,0	

Рост производства характерен для ликероводочных изделий, выпуск водки и коньяка находится примерно на одном и том же уровне. Заметно выделяется тенденция сокращения производства алкогольной продукции в 2014 и 2015 годах. Возможное объяснение – общее падение «промышленного производства, начало санкционной «войны» против России.

С 2010-2020 годы выросли акцизы на производство в РФ алкогольной продукции с объемной долей этилового спирта свыше 9% (ее удельный вес в консолидированных бюджетах субъектов РФ увеличился с 67347 млн. руб. до 154955 млн. руб.); вино – с 6175 млн. руб. до 16242 млн. руб.; пиво – в 2 раза, с 81978 млн. руб. до 163472 млн. руб. Снизилось поступление акцизов с этилового спирта, а также алкогольной продукции с объемной долей этилового спирта до 9%. За десятилетие возросли акцизы на вводимую в Россию спирто-содержащую продукцию – в федеральный бюджет 2020 г. поступило 1353 млн. руб. против 359 млн. руб. в 2010 г., более чем в три раза увеличились акцизы на вино, алкогольную продукцию с объемной долей этилового спирта свыше 9%, особенно заметен рост акцизов на ввозимое пиво – с 2623 млн. руб. до 18816 млн. руб. в 2020 году^{2 3}.

¹ Составлено авторами по: Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции. Статистические сборники в период 2010-2021гг. // Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. URL: <https://fsrar.gov.ru/industry/1261678438828> (дата обращения 28.08.2022).; Производство в натуральном выражении спирта этилового, алкогольной и спиртосодержащей продукции. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57613> (дата обращения 28.08.2022).

² Федеральный бюджет 2005-2020гг. /Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheta/federalnyj-byudzheta/> (дата обращения: 29.04.2022).

³ Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации/ Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheta/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения: 29.04.2022).

Особое внимание на мотивацию поведения, выбор копинг-стратегии людьми оказывает степень привлекательности той или иной алкогольной продукции (ее доступность, традиционность, реклама, возможность купить). Следует отметить, что за прошедшие годы заметно изменилось в количественном измерении только потребление пива (см. рис. 1) и водки.

Рис. 1: Продажа алкогольных напитков в расчете на душу населения, литр⁴

Продажи водки уменьшились почти в два раза с 11 литров (2010 г.) до 6 литров в 2020 году; а популярность пива возросла за период с 1998 г. по 2007 г., но уменьшилась в последние годы. С 2010 года уменьшение составило 17 литров на человека.

Если анализировать потребление алкоголя в пересчете на чистый спирт, то среди 33 стран, по данным ВОЗ, Россия находится на 32 месте, хотя с 1990 года потребление алкогольной продукции выросло с 7,4 л до 10,5 л на душу населения в возрасте 15 лет и старше (табл. 2.).

Табл. 2: Потребление алкоголя на душу населения среди лиц в возрасте 15 лет и старше (в литрах чистого спирта)⁵

Страны	1990	Место	Страны	2016	Место	Страны	2019	Место
Венгрия	16,2	1	Эстония	15,4	1	Чехия	14,3	1
Хорватия	15,9	2	Литва	13,6	2	Латвия	13,2	2
Франция	15,7	3	Чехия	13,0	3	Республика Молдова	12,9	3
Португалия	15,2	4	Республика Корея	11,9	4	Германия	12,8	4
Люксембург	15,0	5	Франция	11,7	5	Литва	12,8	5
Германия	14,9	6	Гвинея	11,6	6	Ирландия	12,7	6

⁴ Составлено по: Продажа алкогольных напитков в расчете на душу населения // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31432> (дата обращения 28.08.2022).

⁵ Составлено по: Потребление алкоголя // Всемирная организация здравоохранения. URL: https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/h2020_5-alcohol-consumption/visualizations/#id=17076&tab=notes (дата обращения 03.09.2022); World health statistics 2021: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals // WHO. URL: <https://www.who.int/data/gho/publications/world-health-statistics> (дата обращения 27.08.2022).

Страны	1990	Место	Страны	2016	Место	Страны	2019	Место
Австрия	13,9	7	Руанда	11,5	7	Испания	12,7	7
Словения	13,8	8	Болгария	11,5	8	Болгария	12,5	8
Словакия	13,5	9	Ирландия	11,5	9	Уганда	12,5	9
Швейцария	13,0	10	Люксембург	11,2	10	Люксембург	12,4	10
Испания	13,0	11	Австралия	11,2	11	Андорра	12,3	11
Чехия	13,0	12	Южная Африка	11,2	12	Румыния	12,3	12
Бельгия	12,2	13	Латвия	11,2	13	Франция	12,2	13
Ирландия	12,1	14	Германия	10,9	14	Черногория	12,2	14
Казахстан	11,9	15	Португалия	10,7	15	Лаос	12,1	15
Босния и Герцеговина	11,9	16	Словения	10,5	16	Португалия	12,1	16
Дания	11,9	17	Польша	10,4	17	Словения	12,1	17
Болгария	11,5	18	Хорватия	10,3	18	Австрия	11,9	18
Италия	11,0	19	Словакия	10,1	19	Польша	11,9	19
Греция	10,3	20	Андорра	10,1	20	Великобритания	11,4	20
Великобритания	10,0	21	Беларусь	10,1	21	Швейцария	11,2	21
Нидерланды	9,9	22	Канада	10,0	22	Венгрия	11,1	22
Эстония	9,8	23	Великобритания	9,8	23	Словакия	11,1	23
Финляндия	9,5	24	Дания	9,6	24	Беларусь	11	24
Кипр	9,5	25	Швейцария	9,4	25	Буркина-Фасо	11	25
Румыния	8,9	26	Молдавия	9,3	26	Бельгия	10,8	26
Польша	8,2	27	США	9,3	27	Дания	10,8	27
Беларусь	7,9	28	Сербия	9,2	28	Эстония	10,8	28
Швеция	7,4	29	Аргентина	9,1	29	Новая Зеландия	10,7	29
Россия	7,4	30	Испания	8,6	30	Финляндия	10,7	30
Мальта	7,2	31	Финляндия	8,4	31	Греция	10,5	31
Литва	7,1	32	Россия	8,4	32	Россия	10,5	32
Латвия	6,7	33	Мальта	8,0	33	Австралия	10,4	33

Среди наиболее «пьющих» стран: Чехия, Латвия, Молдова. Интересен пример Латвии – если в 1990 году страна находилась на 33 месте, то к 2019 году она вышла в лидеры и занимает 2 место. Эстония, наоборот, в 2016 году была на 1 месте, а в 2019 году снизила почти в 1,5 раза потребление и сейчас на 28 месте. Антиалкогольная политика среди постсоветских республик оказалась более эффективной в Казахстане, в 2016-2019 гг. он вообще не вошел в список из тридцати трех государств, в нем также нет среднеазиатских республик. Следует отметить, что спрос на алкоголь в мире уменьшился – если в 1990 году максимальное потребление составило 16,2 л на душу населения, то в 2019 году он стал равен 14,3 л.

Росалкогольрегулирование ежегодно проводит анализ производства и потребления алкогольной продукции по стране в целом и по каждому субъекту РФ. Так, например, в Свердловской области 31 организация занимается выпуском алкогольной продукции, их количество уменьшилось за последние два года (2019 г. - 35 организаций), они произвели 304,6 тыс. дал ликероводочных изделий (рост за три года более чем на 60 тыс. дал), 376 тыс. дал коньяка, пива - 2865 тыс. дал и т.д. В литрах этанола продажи на душу населения составили 8,10 л (2019 г. – 7,41 л), т.е. ниже, чем в стране в целом⁶.

⁶ Основные показатели, характеризующие рынок алкогольной продукции в 2019-2021 годах: Статистический сборник // Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. URL: <https://fsrar.gov.ru/industry/>

Число алкогольных магазинов в Свердловской области к 2022 году увеличилось на 37,9% за 3 года с 454 до 626⁷. Всего 5544 магазина обладают лицензией на продажу алкогольной продукции, 1016 кафе и ресторанов.

Деконструктивные последствия копинг-стратегии алкоголизации (совладающее поведение посредством употребления вино-водочных изделий) проявляются, прежде всего, в снижении продолжительности жизни, росте заболеваемости и смертности, во влиянии на количество преступлений.

Так, например, активная антиалкогольная политика приводит к увеличению лет жизни, и, наоборот, пассивное отношение к алкоголизации населения приводит к снижению продолжительности жизни (рис. 2). Динамика продолжительности жизни населения является зеркальным отражением динамики потребления алкоголя. На рис. 2. видно, что в кризисные периоды основными адаптационными механизмами населения является алкоголизация, что, соответственно, привело к снижению продолжительности жизни населения. В период активной антиалкогольной политики наблюдается постепенное снижение потребления алкоголя на душу населения и повышение ожидаемой продолжительности жизни населения.

Рис. 2: Динамика уровня потребления алкоголя и ожидаемой продолжительности жизни при рождении⁸

1261678438828/statisticheskij_sbornik_osnovnye_pokazateli_harakterizujushhie_rynok_alkogolnoj_produkcii_v_2019_2021_godah (дата обращения 08.09.2022).

⁷ На Урале расплодилось алкомаркеты. URL:

<https://www.e1.ru/text/business/2021/07/14/70022411/?ysclid=17xnjuld5m142763069> (дата обращения 8.09.2022).

⁸ Составлено по: Потребление алкоголя // Всемирная организация здравоохранения. URL:

https://gateway.euro.who.int/ru/indicators/h2020_5-alcohol-consumption/visualizations/#id=17076&tab=notes (дата обращения 03.09.2022); Демографический ежегодник России 2021 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 03.09.2022).

Такое же воздействие оказывает алкоголизация населения на рост смертности и преступности. Если взять достаточно продолжительный период времени, например с 1965 г. по настоящее время, то количество смертей, обусловленных алкоголем, выросло в несколько раз – с 11,9 тысяч (1965 г.) до 50,4 тыс. (2020 г.), причем за это время было несколько периодов подъёма и спада смертности. Особенно это было заметно в середине двухтысячных годов, 2004 г. – 51,8 тыс. смертей, обусловленных алкоголем, а уже в 2005 – 104,0 тысячи (рост в 2 раза), затем в течение 6 лет, до 2012 года постепенное уменьшение смертности и стабилизация показателей^{9 10 11 12}.

Примерно схожие тенденции зафиксированы и в регионах России. Так, в 2020 году в лидеры по смертности вышли Чукотский автономный округ (128 чел. на 100 тыс. чел), Магаданская (102 чел.), Ивановская (81 чел.) и Челябинская области (77 чел.). Свердловская область находится на сороковом месте (40 чел.). Наименьшие показатели смертности от алкоголизации характерны для республик Северного Кавказа (Дагестан – 2 чел. (83 место), Чеченская республика – 0,2 (84 место), Республика Ингушетия – 0,2 (85 место)).

По количеству преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения на 100 тыс. человек, Свердловская область находится на 36 месте (273 преступления). Худшие показатели в Республике Алтай – 693, Республике Тыва – 631, Забайкальском крае – 596 и Чукотском автономном округе – 565. «Аутсайдеры» – те же самые кавказские республики: Дагестан – 24, Ингушетия – 18, Чечня – 10.

Число преступлений в состоянии алкогольного опьянения в течение последнего десятилетия возросло в целом по стране на 18%, пиковые значения приходятся на 2015 и 2016 годы – соответственно 401 тыс. и 440 тыс. преступлений.

В Свердловской области отмечается такая же тенденция: преступность выросла с 8,8 тыс. случаев (2010 г.) до 10,9 тыс. в 2021 году, пик преступлений приходится на 2016 год – 17211 (рост по сравнению с 2010 года практически в два раза).¹³

Статистические данные по регионам подтверждают также вывод ученых о влиянии среды обитания на потребление алкоголя – зафиксирована значимая связь физико-

⁹ С 2005 г. поменялась классификация смертности от алкоголя. В структуру смертности от алкоголя включили смерть от дегенерации нервной системы, вызванной алкоголем, смерть от алкогольной кардиомиопатии и др.

¹⁰ Демографический ежегодник России 2021 // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения 03.09.2022).

¹¹ Естественное движение населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения 8.09.2022).

¹² Милле Ф., Школьников В.М., Эртриш В., Валлен Ж. Современные тенденции смертности по причинам смерти в России 1965-1994 // Демоскоп. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/shkol/shkol.html> (дата обращения 30.03.2022).

¹³ Количество преступлений (из числа предварительно расследованных), совершенных в состоянии алкогольного опьянения (единица) // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36206> (дата обращения 08.09.2022).

географических условий проживания (северные широты проживания, пониженная среднегодовая температура воздуха, короткая продолжительность светлого времени суток в зимнее время) с уровнем алкоголизации населения [29].

Заключение

Реакция людей на неблагоприятное воздействие среды носит неоднозначный характер. Одни активно ищут способы преодоления трудностей, другие занимают выжидательную позицию, третьи пытаются «сбежать» от проблемы, спрятаться от нее.

К таким деструктивным типам совладающего поведения, «негативной» копинг-стратегии относится пьянство, способом которого выступает алкоголизация населения, реально действующим механизмом адаптации населения к происходящим переменам.

Деструктивность подобной копинг-стратегии проявляется в росте смертности и заболеваемости, распаде семей и росте преступлений, совершенных в состоянии опьянения.

Алкоголизация все больше поражает женщин и детей, мужчин в трудоспособном возрасте. Массовый характер алкоголизации населения становится серьезным фактором, влияющим на будущее страны.

Причины выбора деструктивной копинг-стратегии множеством людей имеет как исторический характер, так и вызваны происходящими социально-экономическими реформами, которые влекут за собой ухудшение условий жизни, порождают чувство беспомощности, неуверенности в завтрашнем дне, стремление жить «здесь и сейчас».

Это во многом объясняет мотивацию выбора людьми такого типа совладающего поведения. Обычно она сводится к мотивам социально-экономического и социально-психологического характера, а также социокультурным и психофизиологическим, имеющим часто патологическую окраску.

Опыт проведения антиалкогольной политики в масштабах государства показал невысокую эффективность чисто административных мер и требует сосредоточения усилий общества на формирование потребности в здоровом образе жизни, поиске конструктивных путей преодоления возникающих трудностей.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2021-2023 гг. № 0327-2021-0011

Литература

1. Китаев-Смык, Л.А. Психология стресса. М. Наука. 1983. 370 с.
2. Бодров, В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. М.: ПЕР СЭ. 2006. 528 с.
3. Ташлыков, В.А. Психологическая защита у больных невротами и с психосоматическими расстройствами: пособие для врачей. СПб.: Изд-во СПбМАПО. 1992. 23 с.
4. Анцыферова, Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Том 15. № 1. С.: 3-18.
5. Александрова, О.В. Дифференциально-психологические факторы переживания и копинг-поведения взрослых в трудной жизненной ситуации. СПб.: СПбГУ. 2017. 245 с.
6. Корзун, С.А. Совладающее поведения девиантных подростков // Адукацыя і выхаванне. 2009. № 3. С.: 70-74.
7. Крюкова, Т.Л. Человек как субъект совладающего поведения // Психологический журнал. 2008. Том 29. № 2. С.: 88-95.
8. Нартова-Бочавер, С.К. «Copingbehavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 5. С.: 20-30.
9. Никольская, И.М.; Грановская, Р.М. Психология веры как основа кризисной психологической помощи в совладании с переживанием утраты // Вестник психотерапии. 2014. № 49 (54). С.: 39-48.
10. Церковский, А.Л. Современный взгляд на копинг-проблему // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2006. № 3. С.: 2-17.
11. Lazarus, R.S. Psychological stress and the coping process. N.Y.: McGraw-Hill. 1966. 257 с.
12. Weber, H. Belastungsverarbeitung // Z. fur Klinische Psychologic. 1992. Bd. 21. Том 1. С.: 17-27.
13. Тенн, О.Р. Стратегии совладающего поведения женщин переходного возраста, переживающих экзистенциальный кризис: Автореферат дисс... канд. психологических наук. Санкт-Петербург. 2010. 27 с.
14. Vaillant, G.E. Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms // Archives of General Psychiatry. 1971. Том 24. С.: 107-118.
15. Haan, N. Coping and defending. Process of self-environment organization. New York: Academic Press. 1977. 217 с.
16. Moos, R.H.; Tsu, V.D. The crisis of physical illness // Coping with physical illness. 1977. С.: 3-21.
17. Folkman, S.; Lasarus, R.A. An analysis of coping in a middle-age community sample // Journal of Health and Social Behavior. 1980. Том 21. С.: 219-239.

18. Битюцкая, Е.В. Современные Подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 1. С.: 100-111.
19. Дмитриева, Н.В.; Сидоренко, И.Н. Структура и психологическое содержание совладающего поведения // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2005. № 9. С.: 44-50.
20. Weisz, J.R.; McCabe, M.A.; Dennig, M.D. Primary and secondary control among children undergoing medical procedures: Adjustment as a function of coping style // Journal of Consulting and Clinic. Psychol. 1994. Том 62. № 2. С.: 324-333.
21. Ebata, A.T.; Moos, R.H. Coping and adjustment in distressed and healthy adolescents // Psychol. 1991. Том 12. № 1. С.: 33-54.
22. Carver, C.S.; Scheier, M.F. On the self-regulation of behavior. New York: Cambridge University Press. 1998. 278 с.
23. Либина, А.; Либин, А. Стили реагирования на стресс: психологическая защита или совладания со сложными обстоятельствами? // Стиль человека: психологический анализ. 1998. С.: 190-204.
24. Корнев, К.И. Специфика копинга в условиях неопределенности / Человек в условиях неопределенности: Сб. материалов Всерос. конф. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск. 2006. С.: 24-35.
25. Арбитов, И.Р. Особенности совладания со стрессом в номе и при психосоматических и невротических расстройствах // Психологический журнал. 2013. Том 34. № 1. С.: 86-96.
26. Nakano, K. The role of coping strategies on psychological and physical well-being // Journal Psychol. Res. 1991. Том 33. № 4. С.:160-167.
27. Conway, V.J.; Terry, D.J. Appraised Controllability as a Moderator of the Effectiveness of Different Coping Strategies: A Test of the Goodness of Fit Hypothesis // Austral. Journal Psychol. 1992. Том 44. № 1. С.: 1-7.
28. Белоусова, А.К.; Фандей, Ю.В. Особенности мотивационной и смысловой сфер молодёжи на разных стадиях алкоголизации // Психология обучения. 2015. № 9. С.: 83-95.
29. Заиграев, Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С.: 74-84.
30. Мулик, А.Б.; Улесикова, И.В.; Назаров, Н.О.; Срослова, Г.А.; Шатыр, Ю.А. Влияние среды проживания на потребление алкоголя населением России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2020. Том 28. № 4. С.: 564-567.

ADAPTATION AND COPING STRATEGIES OF THE POPULATION IN EXTREME SITUATIONS

Boris Berzin

Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher of Institute of Economics
of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg Russia

Alexey Kuimov

Master of Psychology of Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin
Yekaterinburg Russia

Olga Pyshmintseva

Junior Researcher of the Institute of Economics of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg Russia

Abstract. The article discusses the theoretical problems of adaptive behavior in difficult life situations, the features of their chosen coping strategies. The theoretical basis of the study was publications on psychological, demographic and sociological areas, investigating the problems of population adaptation through destructive and constructive coping strategies. As a result of the study, it was determined that a unified coping strategies typology has not been developed in modern science; there are difficulties in distinguishing coping behavior from psychological defense and adaptation. The purpose of the article is to show and analyze the consequences of the chosen destructive coping strategy - alcoholization. The production and sale dynamics of alcoholic products, the change in the ranking of countries in terms of alcohol consumption are analyzed. Using the method of statistical analysis, the relationship between alcoholization and structural changes in the morbidity and mortality of the Russian population, its impact on crime and an increase in the number of suicides, and on average life expectancy was revealed. The regions - leaders and outsiders - in terms of alcohol consumption are identified, the Sverdlovsk region's place in the regions' ranking is shown according to the following criteria: the number of organizations producing alcoholic products, the scale of production and consumption of alcoholic products, mortality and crime.

Keywords: adaptation; coping behavior; coping strategy; alcoholization; mortality; crime; alcoholic beverages.

JEL коды: Z13; R23.

Acknowledgements

The research was conducted in execution of the government's task to the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023. № 0327-2021-0011.

References

1. Kitaev-Smyk, L.A. (1983) Psychology of stress. M. Nauka. 370 p.
2. Bodrov, V.A. (2006) Psychological stress: development and overcoming. M.: PER SE. 528 p.
3. Tashlykov, V.A. (1992) Psychological protection in patients with neuroses and psychosomatic disorders: a manual for doctors. St. Petersburg: Publishing House of SPbMAPO. 23 p.
4. Antsyferova, L.I. (1994) Personality in difficult life conditions: rethinking, transformation of situations and psychological protection // Psychological Journal. Vol. 15. No. 1. P.: 3-18.
5. Alexandrova, O.V. (2017) Differential psychological factors of experience and coping behavior of adults in a difficult life situation. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 245 p.
6. Korzun, S.A. (2009) Coping behavior of deviant adolescents // Adukatsia i vykhavanne. No. 3. P.: 70-74.
7. Kryukova, T.L. (2008) Man as a subject of coping behavior // Psychological Journal. Vol. 29. No. 2. P.: 88-95.
8. Nartova-Bochaver, S.K. (1997) "Copingbehavior" in the system of concepts of psychology of personality // Psychological Journal. Vol. 18. No. 5. P.: 20-30.
9. Nikolskaya, I.M.; Granovskaya, R.M. (2014) Psychology of faith as the basis of crisis psychological assistance in coping with the experience of loss // Bulletin of Psychotherapy. No. 49 (54). P.: 39-48.
10. Tserkovskiy, A.L. (2006) Modern view on the coping problem // Bulletin of the Vitebsk State Medical University. No. 3. P.: 2-17.
11. Lazarus, R.S. (1966) Psychological stress and the coping process. N.Y.: McGraw-Hill. 257 p.
12. Weber, H. (1992) Belastungsverarbeitung // Z., fur Klinische Psychological. Bd. 21. Vol. 1. P.: 17-27.
13. Tenn, O.R. (2010) Strategies of coping behavior of women of transitional age experiencing an existential crisis: Abstract of dissertation... cand. Psychological Sciences. St. Petersburg. 27 p.

14. Vaillant, G.E. (1971) Theoretical hierarchy of adaptive ego mechanisms // Archives of General Psychiatry. Vol. 24. P.: 107-118.
15. Наан, N. (1977) Coping and defending. Process of self-environment organization. New York: Academic Press. 217 p.
16. Моос, R.H.; Tsu, V.D. (1977) The crisis of physical illness // Coping with physical illness. P.: 3-21.
17. Folkman, S.; Lazarus, R.A. (1980) An analysis of coping in a middle-age community sample // Journal of Health and Social Behavior. Vol. 21. P.: 219-239.
18. Bitutskaya, E.V. (2011) Modern Approaches to the study of coping with difficult life situations // Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology. No. 1. P.: 100-111.
19. Dmitrieva, N.V.; Sidorenko, I.N. (2005) Structure and psychological content of coping behavior // Bulletin of the Kazakh-American Free University. No. 9. P.: 44-50.
20. Weisz, J.R.; McCabe, M.A.; Dennig, M.D. (1994) Primary and secondary control among children undergoing medical procedures: Adjustment as a function of coping style // Journal of Consulting and Clinic. Psychol. Vol. 62. No. 2. P.: 324-333.
21. Ebata, A.T.; Moos, R.H. (1991) Coping and adjustment in distressed and healthy adults // Psychol. Vol. 12. No. 1. P.: 33-54.
22. Carver, C.S.; Scheier, M.F. (1998) On the self-regulation of behavior. New York: Cambridge University Press. 278 p.
23. Libina, A.; Libin, A. (1998) Styles of stress response: psychological protection or coping with difficult circumstances? // Human style: Psychological analysis. P.: 190-204.
24. Kornev, K.I. (2006) Specifics of coping in conditions of uncertainty // Man in conditions of uncertainty: Collection of materials of the All-Russian Conference / Novosibirsk State University. Novosibirsk. P.: 24-35.
25. Arbitov, I.R. (2013) Features of coping with stress in the home and in psychosomatic and neurotic disorders // Psychological Journal. Vol. 34. No. 1. P.: 86-96.
26. Nakano, K. (1991) The role of coping strategies on psychological and physical well-being // Journal Psychol. Res. Vol. 33. No. 4. P.:160-167.
27. Conway, V.J.; Terry, D.J. (1992) Assessed Controllability as a Moderator of the Effectiveness of Different Coping Strategies: A Test of the Goodness of Fit Hypothesis // Austral. Journal Psychol. Vol. 44. No. 1. P.: 1-7.
28. Belousova, A.K.; Fandei, Yu.V. (2015) Features of motivational and semantic spheres of youth at different stages of alcoholization // Psychology of learning. No. 9. P.: 83-95.

29. Zaigraev, G.G. (2009) Alcoholism and drunkenness in Russia. Ways out of the crisis situation // Sociological research. No. 8. P.: 74-84.

30. Mulik, A.B.; Ulesikova, I.V.; Nazarov, N.O.; Sroslova, G.A.; Shatyr, Yu.A. (2020) The impact of habitation environment on population alcohol consumption in Russia // Problems of social hygiene, healthcare and history of medicine. Vol. 28. No. 4. P.: 564-567.

Contact

Boris Berzin

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

29, Moskovskaya str., 620014, Yekaterinburg, Russia

berzinb@yandex.ru

Alexey Kuimov

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

19, Mira str., 620002, Yekaterinburg, Russia

alkuimov@yandex.ru

Olga Pyshmintseva

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

29, Moskovskaya str., 620014, Yekaterinburg, Russia

pyshmintseva.oa@uiec.ru